Ян Чжэн произнесла:

— Мне кажется, вы не такой шидафу, как Чжан Цзай, а больше похожи на шидафу вроде старика Ван.

— Неужели со стороны кажется, что я умею наслаждаться жизнью? — на лице Шэнь Цзышаня промелькнуло удивление.

Ян Чжэн слегка понюхала чай в своей чашке и невозмутимо ответила:

— Это же лунцзин ранневесеннего сбора, верно?

— И правда, разбираешься, — Шэнь Цзышань опустил крышку гайвани, совершенно не подозревая, что уже попался на удочку. — Жаль только, заварен на водопроводной воде.

— Нужно было взять горную речную?

— Лучше всего растаявшая заутренняя рождественская снежная вода с сосен.

— Только посмотрите, разве это не умение наслаждаться жизнью? — заметила Ян Чжэн.

— Не увиливай! — Шэнь Цзышаня раскусили, и он наконец понял, что собеседница ловко увела разговор в сторону.

Раз уж девчонка не хочет об этом говорить, ну и ладно.

Старик и девушка, каждый погруженный в свои мысли, потягивали чай.

Позже Ян Чжэн зашла к старушке Юаньи. Та вздохнула и сказала:

— Пусть его. Он упрямый старый осёл. Если бы в то время он не был таким впертым, всё не скатилось бы до нынешнего плачевного состояния.

До прихода Ян Чжэн старушка в старых очках разглядывала давние фотографии сына, поглаживая их подушечками пальцев; ее согбенная спина казалась такой одинокой. Ян Чжэн знала, что та до сих пор затаила обиду на Шэнь Цзышаня за излишнюю жесткость в прошлом, которая сломала жизнь сына и привела к такому концу. Она не стала отвечать, а лишь молча слушала.

Перед уходом тетя Ван догнала ее, неся два бумажных пакета со свиными котлетами лицзи. Старушка не забыла про Ян Шэн, целыми днями пропадающую в университете, и пока Ян

Чжэн играла с дедом в шахматы, попросила тетю Ван заново купить продукты и наскоро приготовить угощение.

Ян Чжэн помахала старушке рукой, а та кивнула в ответ.

Ожидая зеленого сигнала светофора, Ян Чжэн задумалась над словами мистера Шэня и потеряла бдительность, за что сзади ей тут же просигналила в знак протеста машина.

Ее снедокало любопытство: почему мистер Шэнь так упорно стремится передать культуру через съемки телепередач?

В последние годы передач о культурно-творческой сфере было немало, но по-настоящему выстрелили единицы. Даже проекты центрального телевидения, обладающие лучшими ресурсами, не могли похвастаться тем, что каждый их выпуск становился хитом.

Шэнь Цзышань — фигура уровня патриарха в своей отрасли, а изданные им в восьмидесятых годах книги археологическое сообщество возвело в ранг непреложных истин.

Академические достижения также принесли популярность его картинам и каллиграфии. Ныне его живопись оценивалась в двадцать тысяч юаней за чи, а иероглиф — в десять тысяч.

Шэнь Цзышань как никто другой понимал, насколько непроста нынешняя жизнь. Последние годы он вел себя весьма скромно, не ослаблял хватку в научных исследованиях и даже перешагнув семидесятилетний рубеж, лично отправлялся с инспекциями на археологические раскопки Ланьлоу.

Стоило его имени появиться в титрах программы, как это стало бы вопросом общей славы или общего позора.

Ян Чжэн уже сталкивалась с сетевым буллингом и находила его жутком и отвратительным. Мистер Шэнь всю жизнь прожил с безупречной репутацией, и она не хотела бы, чтобы на склоне лет его кто-то очернил.

Стиснув руками руль, Ян Чжэн почувствовала боль в переносице и тяжело вздохнула.

«Установить сердце для Неба и Земли, обеспечить жизнь для народа, продолжить прерванную традицию прошлых мудрецов, открыть великий мир для всех будущих поколений», — эти слова принадлежат мыслителю эпохи Сун Чжан Цзаю из четверостишия «Хэнцюй».

Сноска сделана не для того, чтобы щегольнуть эрудицией, а по правилам, ведь так и должен поступать тот, кто делает цитаты.

Глава 5. Выведывание

Весь день Ян Чжэн провела за обустройством школьного общежития, постепенно оформляя все необходимые документы.

Дорога на машине от Линьского университета до дома занимала чуть больше часа. В часы пик из-за пробок путь растягивался почти на два часа.

Ян Чжэн была существом домашним: за исключением рабочей необходимости и обязательной социальной активности, всё остальное время она проводила дома за книгами.

Тратить по два часа на дорогу туда и обратно было для нее сродни медленному самоубийству. Посоветовавшись с родителями, она решила просто переехать.

Ян Чжэн стояла на ступен крыльца, наблюдая за хлопотами рабочих.

Мувинговая компания впервые за столько лет столкнулась с заказчиком, у которого половина фургона была забита книгами.

Стопки книг громоздились в гостиной, представляя собой поистине впечатляющее зрелище. Ян Чжэн произнесла:

— Оставьте прямо там, я сама всё разберу.

Сперва Ян Чжэн привела в порядок спальню. Она аккуратно развесила одежду по вешалкам. То, что можно было сложить, привезла из дома в коробках и просто составила стопкой в шкаф.

Средства по уходу за кожей и косметику расставила на расторке в ванной прямо в коробочках, выбрав на край лишь то, чем пользовалась чаще всего.

Накануне вызывали клининговую службу, и в комнатах царила идеальная чистота.

Закончив с остальными делами, Ян Чжэн опустилась на пол, оказавшись плечом к плечу с книжными стопками высотой в человеческий рост.

Она сделала фото и выложила в ленту друзей:

— За работу!

Меньше чем через минуту Чэнь Няньэнь заметила публикацию и поставила лайк. В комментариях она написала: «Цзяю [усердие]», но Ян Чжэн оставила это без ответа.

Ян Шэн, неизвестно где раздобывшая телефон, в час ужина оставила комментарий: «Книги выше тебя, если свалятся — станут орудием убийства».

Ян Чжэн: «…»

Лишь к восьми часам вечера Ян Чжэн закончила разбирать книги. Испытывая легкое чувство гордости, она снова выложила пост в ленту друзей, горделиво оставив его без подписи.

Около десяти часов вечера вернувшаяся с самоподготовки Ян Шэн оставила комментарий: «Неплохо, умоталась небось, ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха».

Ян Чжэн: «…»

Вымыв руки, Ян Чжэн открыла только что доставленный заказ.

У нее была привычка не есть после восьми вечера, но сегодня она продержалась до девяти, а потом, не вытерпев, заказала предельно легкую оздоровительную кашу.

Скрестив ноги, она сидела на ковре в гостиной, а в экране компьютера на журнальном столике отражался ее силуэт.

Длинные волосы были низко подобраны на затылке, а воротник рубашки слегка расстегнут, обнажая плавную линию шеи. Бросив взгляд на свое отражение, она заправила за ухо выбившуюся у виска прядку.

Компьютер был включен, зазвучало вступление к додзин-песне по роману Цветение.

Ян Чжэн прислушалась, слегка прищурив глаза.

Спустя какое-то время она написала первую строчку текста:

Цветы магнолии опали, в звуках разбивающего сердце плача тоскливо слушать дождь.

Линь Шуу, лишенная статуса императрицы, вперила взгляд в дерево магнолии за окном — ее судьба была точь-в-точь как эти сбитые дождем цветы, которым суждено в конце концов превратиться в пыль.

Остатки луны ярко светят, перед алтарем клубится сизый дымок благовоний.

Отвергнутая наложница во дворце проводит дни лишь в обществе тусклого светильника да древних статуй Будды, и в долгую-долгую ночь ей, кажется, не дождаться рассвета.

Дворцы со всех четырех сторон, под карнизами пары ласточек вьют гнезда.

Монастырские палаты и дворцы рассекают небо и землю, разделяют юношеские помыслы. Смотря на то, как под моросящим дождем кружатся ласточки, Линь Шуу вспоминает капли и крупицы того, что было между ней и Ци Минсином.

Ласковые слова на ушко, в те прекрасные ночи доводилось пить наравне с господином.

В юные годы Линь Шуу тоже доводилось сидеть с Ци Минсином у окна за обрезкой фитиля ночного светильника и в хмельном угаре давать друг другу клятвы на все времена. Но приняла их всерьез лишь одна Линь Шуу, тогда как Ци Минсин счел всё это не более чем шуткой.

http://bllate.org/book/33539/4122621